

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т20

Фотография автора — *Татьяна Либерман*

Художник — *Николай Ковалёв*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Тармашев, Сергей Сергеевич.

Т20   Каждому своё 4 : [фантастический роман] / Сергей Тармашев. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Миры и войны Сергея Тармашева).

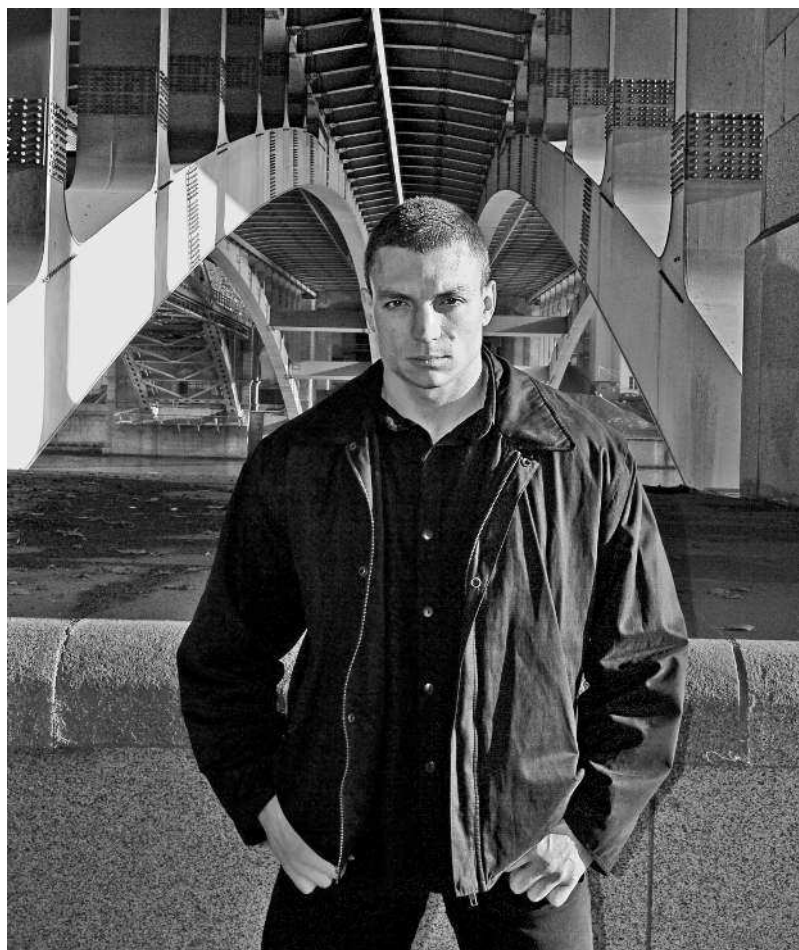
ISBN 978-5-17-108429-5

В 2111 году мир сгорел в огне Великой Катастрофы. На планете воцарилась ядерная зима, яростные ветра метут облака черного снега по засыпанному радиоактивным крошечным пустошам, а температура на поверхности опускается уже ниже минус пятидесяти градусов. Немногие уцелевшие укрылись в подземных убежищах, но запасы не вечны, биофермы работают на износ, и для выживания обитателям бункера «Подземстрой-1» нужны топливо и продовольствие. Но находящиеся по соседству склады Росрезерва захвачены конкурентами по борьбе за выживание, а значит, бойцам Экспедиционного корпуса во главе с капитаном Порфирьевым нужно найти какой-то способ отбить жизненно необходимый склад, пока холод, радиация и загадочные боевые роботы не перебили всех.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-108429-5

© Тармашев С.С., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Сто десятый день после всемирной катастрофы,
радиоактивные пустоши, 500 километров
от «Подземстроя-1», 01.50, время московское.*

Повисший за иллюминатором пылевой мрак был практически непроницаем, и Антон едва улавливал где-то впереди слабый мутный отсвет ходовых прожекторов. Колонна больше часа ползает кругами по бесконечной пустоши из черного снега в поисках входа в бункер, из которого в свое время выползла военная хунта Брилёва. До стандартного начала интоксикации оставалось сорок минут, и с каждым пройденным километром тревога в душе Овечкина становилась все сильнее. Радиоактивная свалка, погребенная под метровым слоем зольного снега, четыре месяца назад являлась окраинами Звездного Городка, по которому было нанесено несколько мощных ядерных ударов. Здесь каждый сантиметр пространства пронизан смертельной радиацией в прямом смысле этого понятия, и с каждой неделей ее уровень растет, потому что ураганы приносят еще больше радиоактивной пыли из того, что раньше было Москвой.

Встроенный в ставший ненавистным устаревший скафандр МЧС счетчик Гейгера показывал уровень радиации в восемьсот рентген в час, и это внутри вездехода, имеющего антирадиационную защиту! Что творится за бортом, Антон мог только гадать, потому что едва колонна останавливалась для проверки местности и военные выходили наружу, фон мгновенно зашкаливал, и показания дозиметра застывали на леденящей душу отметке в девятьсот девяносто девять рентген

в час. Овечкин не винил того, кто проектировал скафандр, за трехзначность дисплея счетчика Гейгера. Тот человек явно не был военным и потому даже представить не мог, что кто-то может оказаться в условиях зашкаливающей радиации в столь слабой защите, совершенно не предназначенной для этого. Но самому Антону от этого не легче. Пока люк вездехода открыт, ему приходится облучаться, и пропавшее после лечения першение в легких вновь дало о себе знать. Сухой полусудорожный кашель вернулся, и, хотя напал он пока еще редко, Овечкин вновь испытывал вполне обоснованный страх за собственное здоровье.

А тут еще эти idiotские поиски уничтоженного бункера! За прошедший час колонна останавливалась трижды, каждый раз Порфирьев вместе с солдатами выходил наружу, и они несколько минут копались в черном снегу, исчезая в нем по пояс и на каждом шагу спотыкаясь в погребенных под ним обугленных обломках. Обнаружить вход в бункер не удавалось, и колонна двигалась дальше, до следующей остановки. Не приходилось сомневаться, что поиски военными ведутся по большей части наугад. Но это их совершенно не смущает. Антирадиационная защита у военных гораздо лучше, но в таких реалиях это все равно не спасет, и безмозглое пренебрежение войсками собственной безопасностью лишний раз доказывает правоту Антона: все военные полностью деревянные. Особенно мозг. Он не спорит — солярка «Центру» нужна, ее наличие серьезно облегчит решение вопросов наземного строительства, но не любой же ценой! Мертвым не нужны ни внешние ангары, ни внутренние биофермы!

Колонна вновь остановилась, и в заполненном помехами эфире зашипел капитанский рык:

— Десанту к машине! Моя подгруппа ищет левее десять! Хам, ты работаешь правее пять! Ищем десять минут и по машинам!

Облаченные в экзокорсеты военные распахнули люк и полезли наружу, неуклюже переступая через лежащего на полу пленного. Тот до сих пор не пришел в сознание, и Антон серьезно опасался, что пленный сделает это после того, как всех

скрутит интоксикацией. Если все произойдет именно так, то враг может воспользоваться беспомощностью страдающих людей и убить кого-нибудь или даже всех, если ему удастся развязаться. Спрашивается, чем думал Порфирьев, когда вкалывал пленному столь сильный транквилизатор, даже не поинтересовавшись наличием антидота от оногo? Ответ прост: ничем! Нацик-мизантроп не обременял себя столь далеко идущими перспективами. Зачем? Главное, что он может использовать свое физическое превосходство над кем-то прямо здесь и сейчас, а остальное неважно. Наверняка и поиски уничтоженного бункера буратины в погонах ведут по точно такому же принципу: они могут копошиться в радиоактивной грязи прямо сейчас, так почему бы нет? А что будет потом — потом и будем разбираться.

Особенно раздражало то, что эта безмозглая решимость оказалась заразной. Грузчики-добровольцы, являющиеся гражданскими людьми, должны, по идее, иметь больше мозгов по определению. Но и они верили в абсолютную непогрешимость парочки Порфирьев — Снегирёва, пребывая в полнейшей убежденности, что если Варяг решил копать в ледяной радиоактивной грязи, значит, это априори безошибочно, а от остального их излечит Снежная Королева. Они оба-де знают, что делают, и с ними не пропадешь. Овечкин тяжело вздохнул. Если одна интоксикация, проведенная в мучениях посреди заблеванной спецпалатки, ничему людей не научила, то это их проблемы. Но это не значит, что он, инженер-механик, редчайший специалист, должен страдать вместе со всем безмозглым стадом! Он должен любой ценой перестать ходить в экспедиции, пока все не завершилось гибелью! Но из-за этих идиотских ФСБ-шников, захвативших склады, все усложнилось еще сильнее!

А тут еще эта дурацкая солярка! Если вход в уничтоженный бункер удастся найти, можно лишь гадать, чем все это обернется. Воякам наверняка захочется послать внутрь Овечкина, и он запросто может не вернуться оттуда живым! Кто знает, что творится внутри брилёвского логова сейчас? В любом случае ничего хорошего. Бункер был уничтожен ядерным ударом, глупо ожидать, что условия в том, что от него осталось, будут

выгодно отличаться от условий в любом другом эпицентре термоядерного взрыва. Остается надеяться, что Порфирьев не сможет отыскать вход, раз не нашел его сразу. Мегамозги Миронова утверждали, что фиксировали маршрут от КП-дублера до «Подземстроя-1», но, судя по текущим реалиям, какие-то ошибки ими все-таки были допущены, раз асоциальный брутал до сих пор не смог разыскать бункер.

Это радовало Антона вдвойне: во-первых, не придется лезть в очаг смертельной опасности. Во-вторых, супер-пупер-вундеркинды Миронова все-таки облажались. Они, конечно, будут это отрицать, приведут надуманные, зато эффектные отговорки, но он-то знает, как все обстоит на самом деле! Овечкин скосил глаза на хронометр. Сорок минут до интоксикации. Это последняя попытка поиска. Еще пара минут, и военные вернутся ни с чем. После этого времени останется лишь на то, чтобы найти место для базы подальше отсюда и развернуть спецпалатку.

— Хам, что у тебя? — рычание Порфирьева было едва слышно в густых помехах, видимо, асоциальный капитан увлекся поисками и отошел довольно далеко от вездехода.

— Ничего! — Ответ лейтенанта прозвучал столь же невнятно, и Антон понял, что проблема не в расстоянии, а в увеличившимся уровне и без того запредельной радиации. Слишком высокая ионизация местности затрудняет радиосвязь.

— Сворачиваемся! — приказал Порфирьев. — Пора искать место для базы. Всем к машине!

Лейтенант подтвердил прием, и Антон невольно расслабился. Хотя бы с этим повезло.

— Опять не нашли, — негромко произнес кто-то из грузчиков опечаленным тоном. — Хреново. Нам нужна эта солярка, особенно сейчас, когда вероятный противник занял склады с продовольствием.

— Какая между этим связь? — Овечкин с трудом скрыл иронию.

— Имея солярку, мы могли бы реанимировать БМП, которые стоят возле Центра, и выбить ФСБ-шников из Росрезерва, — объяснил тот. — Я слышал, как военные обсуждали это между собой.

— Вы уверены? — Антон опешил. — Насколько я знаю, у тех боевых машин нет снарядов. Они бесполезны. Тем более что противник имеет Лазерную Самоходную Установку. Это очень мощное оружие, если они используют ее против БМП, у последних нет шансов!

— Знаю, — подтвердил грузчик. — Но, насколько я понял, военные не собирались вступать в бой без снарядов. Они планируют выманить ЛСУ в пустоши, противник ведь не в курсе, что нашим БМП нечем стрелять. Пока ЛСУ будет преследовать БМП, мы сможем напасть на склады и отбить их.

— Хорошая идея, — одобрил кто-то еще. — Контролируя запасы продовольствия, мы можем диктовать условия. А ЛСУ можно заманить в волчью яму, например. Когда она будет возвращаться! Радиосвязь у них пропадет быстро, они даже не узнают, что мы захватили склады!

Добровольцы принялись обсуждать план военных, и похолодевший Овечкин с трудом перевел дух. Так вот оно что! Вояки собираются использовать БМП! Значит, от поисков уничтоженного бункера с соляжкой они не откажутся в любом случае, и экспедиция в эпицентр подземного ядерного взрыва неминуема. И пошлют туда конечно же его, Антона Овечкина! От осознания нависшей смертельной угрозы невольно сперло дыхание, это немедленно отозвалось приступом першения в легких, и Антон закашлялся. Неужели Порфирьев вместе с остальными вояками планирует искать уничтоженный бункер на следующем цикле антирада, вместо того чтобы возвращаться в Центр? Наверняка так и есть! Смысл возвращаться туда с пустыми руками! Теперь, когда Росрезерв захвачен ФСБ-шниками, с точки зрения вояк, иного способа разрешить конфликт, кроме кровопролития, не осталось! И он, Овечкин, рискует погибнуть в поисках этой идиотской соляжки!

Громкий крик в ближнем эфире прорвался через пелену помех, заставляя вздрогнуть всех сидящих внутри вездехода. В эфире зазвучали плохо различимые голоса военных, и грузчики испуганно приникли к иллюминаторам.

— Что случилось? — Антон едва сдерживал охватывающую его панику. — Что вы видите? Там роботы?

Он в ужасе понял, что в случае нападения роботов-убийц он, сидя в своем углу, сможет выбраться из вездехода только самым последним, и рванулся к выходу:

— Нужно покинуть вездеход, они будут осматривать технику в поисках людей!

— Команды покидать машину не было... — неуверенно заявил ближайший к нему доброволец, не двигаясь с места и тем самым не позволяя пройти дальше. — Мы должны ждать указаний от Варяга или Хама...

— А если они уже мертвы?! — воскликнул Овечкин, но рычание Порфирьева в эфире заставило его умолкнуть.

— Роботы просили передать, что убьют Овечкина в другой раз! — злобно протрещал помехами капитан. — Кто там ближе к Овену, сообщите ему и проследите, чтобы не ломился наружу. Потому что искать его у нас не будет времени, тридцать пять минут до интоксикации!

— Мы слышали крик! — поспешил оправдаться Антон, недовольно скользя взглядом по ухмыляющимся грузчикам. — Это мог быть сигнал об опасности!

— Это был сигнал о том, что Хам нашел вход в КП-дублер, — прорычал Порфирьев. — Хам, ты там как, живой?

В ответ раздалось шипение помех, в котором Овечкин не смог разобрать ни слова. Но, похоже, Порфирьев находился гораздо ближе к лейтенанту и слышал его достаточно хорошо, потому что в эфире начался интенсивный радиообмен между военными. Из которого Антон понял, что Хам провалился в какой-то заснеженный пролом, который и оказался входом в искомый бункер. Благодаря штурмовому комплекту лейтенант не пострадал, отделавшись легким испугом, и теперь военные не то пытаются вытащить его оттуда, не то собрались спускаться к нему сами. Вскоре в иллюминаторах появились световые пятна приближающихся из пыльной тьмы фонарей, и водительская дверь вездехода неожиданно распахнулась.

— Внимание водителям! — расплывающийся в полумраке здоровенный силуэт капитана плюхнулся на сиденье. — Колонне начать движение малым ходом! Делай, как я! Сближа-

емя с проломом и заякориваем технику рядом! Базу будем разбивать внутри!

— Здесь же запредельный радиационный фон! — опешил Овечкин.

— Под землей он ниже, — прорычал Варяг. — И ураганов нет. Овен, на тебе заякоривание! Бери грузчиков и занимайся! И чтобы не так, как в прошлый раз! Если растяжку опять сорвет, сам побежишь спасать технику!

Чтобы не оказаться каким-нибудь очистителем биотуалета, Антон предпочел стерпеть оскорбление молча. Можно подумать, он специально закрепил якорь так, чтобы его вырвало ураганом! Откуда ему знать, насколько прочен тот или иной засыпанный радиоактивным мусором обломок в сравнении с силой стихии?! Тот якорь вообще не он закреплял! А у базы, если что, тоже растяжку оборвало! Базу вообще-то военные ставили! Они тоже облажались, но об этом асоциальный брутал предпочел не вспоминать!

Колонна проползла с десятков метров, и все полезли наружу. Радиационный фон вновь зашкалил, и Антон невольно сжался. Привычные три девятки дозиметра сейчас горели воистину зловеще. Сколько здесь на самом деле? Две тысячи? Три? Четыре? Нет, так много быть не может, Порфирьев бы уже умер, его спецназовский фотохромный комбинезон такую радиацию не удержит. Но в любом случае его снаряжение надежнее старого скафандра МЧС, поэтому капитан-мизантроп может спокойно разгуливать там, где Антон будет подвергаться смертельной опасности!

— Пролом освещен ходовым прожектором вездехода! — сообщил в эфире Порфирьев. — Всем быть внимательными, в световое пятно без команды не заходить! Там высоко, без экзорсета падать будет больно!

Двое солдат схватили ящик с базой и потащили его к зияющему в свете прожектора свежему провалу в черном снегу, вокруг которого возились остальные военные. Вездеход уже сдул воздушную подушку и улегся на снег, и они крепили к нему трос, видимо, по нему планировалось спускаться в разлом. Антон, бережно прижимая к груди руку с поломанными

пальцами, поспешил руководить закреплением техники. Чем быстрее он сделает это, тем быстрее спустится вниз. Раз там меньше радиации, то он не против такого решения. Лишь бы ничего не обрушилось им на головы, когда все будут там, под землей.

Передвигаться по окружающей пролом местности оказалось еще тяжелее, чем обычно. Обломки разможенного ядерной мясорубкой леса залегали под снежной толщей беспорядочным месивом, и если бы не черная землисто-зольная смесь, по привычке именуемая снегом, ходить здесь было бы вообще невозможно. Снег забил пустоты, которых в свалке обломков было полно, и глубоких провалов удалось избежать. Но под метровым слоем снега ничего не увидишь, и ноги постоянно запинаясь обо что-то, застревали между обломков или соскальзывали с неровной поверхности заледеневшего обугленного хлама. Люди медленно брели по пояс в черной снежной толще, с трудом пробивая дорогу, и часто падали, исчезая из вида в кромешной тьме.

Через двадцать минут была закреплена только половина растяжек, и Антон едва переставлял ноги от усталости. Сломанные пальцы сильно замерзли и невыносимо ныли, отдаваясь болью на каждое движение, а тут еще один из грузчиков в момент очередного падения вывихнул ногу и едва не потерялся в темноте, утонув в черном снегу лицом вниз. Порфирьев отыскал его по сигналу аварийного маячка, оттащил к пролому и спустил вниз, привязав к тросу, словно мешок с тряпьем. После этого капитан-мизантроп также униженно спустил вниз Овечкина, пожаловавшегося на переохлаждение и боль в сломанных пальцах.

Внизу Антона подхватили солдаты, освободили от троса и отправили в только что установленную спецпалатку. Сами они полезли наверх, помогать заякоривать технику, и Овечкин поковылял к базе, освещая царящий вокруг кромешный мрак нашлемным фонарем. Больше всего окружающее пространство походило на подземный паркинг, только пустой и небольшой. Помещение было бетонным, с несколькими опорными колоннами, сильно засыпанное снегом и густо покрытое трещинами

зловещих размеров. Пролом оказался в самом центре помещения, но как оно не сложилось целиком, для Антона было загадкой.

Судя по тому, что он видит, для полного обрушения не хватило нагрузки в какую-нибудь пару-другую тонн. Не приходилось сомневаться, что до сих пор потолок не рухнул исключительно благодаря образовавшейся на поверхности свалке. Обломки настолько плотно сцепились друг с другом, что не просто лежат на потрескавшейся крыше, но еще и частично удерживают друг друга. Не будь этого, тут все давно уже рухнуло бы под тяжестью снега и всего, что под ним находится. Хорошо хоть Порфирьеву хватило ума остановить колонну рядом с проломом так, что техника не оказалась стоящей на крыше. Лишь бы очередной буран не засыпал открывшийся пролом снегом целиком, похоронив здесь всех заживо.

А это не исключено, потому что черного снега вокруг полно. Значит, поначалу его сюда задувало, потом давлением ветра пролом заткнуло какими-то обломками, поверх которых насыпало снега, и образовалась естественная пробка. Когда на нее наступил лейтенант в штурмовом комплекте, она не выдержала его веса и рухнула вниз. Без помощи извне человеку отсюда, скорее всего, не выбраться, даже несмотря на довольно большую гору битого бетона, громоздящуюся под проломом. Ее высота метра два, а потолки пятиметровые. Можно попытаться допрыгнуть, но удастся ли ухватиться за что-то надежное, чтобы выбраться? Порфирьев, похоже, планировал выбраться по тросу, который привязан к стоящему на поверхности вездеходу. Это вариант. Если, конечно, технику наверху не сорвет бураном. Впрочем, если сорвет, то без техники экспедицию ждет неминуемая смерть хоть здесь, хоть на поверхности.

Оглядевшись, Антон обнаружил штатный выход на поверхность. Массивные ворота были распахнуты, видимо, через них и выбиралась наверх хунта Брилёва. В настоящее время вход был забит обломками, обильно пересыпанными черным снегом, и без тяжелой техники использовать его невозможно. Зато непосредственно вход в уничтоженный бункер на вид не пострадал. С первого взгляда Антон принял его за тупик в конце